

Лариса Г. Захарова

АЛЕКСАНДР II И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

Вступив на престол в разгар несчастной для России Крымской войны, Александр II унаследовал от своего отца не только корону и огромную Империю, но и тяжелые, нерешенные вопросы (восточный, крестьянский и др.), среди которых польский (как и вообще управление окраинами) занимал не последнее место.

Возникновение сложных проблем управления Польшей, которые ему пришлось решать в начале своего царствования, относится к значительно более раннему времени. Вест о рождении племянника, великого князя Александра Николаевича (17 апреля 1818 г.), император Александр I получил в Варшаве, где он находился для открытия первого сейма (в связи с данной полякам конституцией в соответствии с решениями Венского Конгресса). Этот знаменательный акт таил в себе опасные последствия и для России в целом, и для Польши. Русское общество было взволновано в те дни произнесенными императором на открытии и закрытии сейма речами, в которых он обещал всем подданным России конституцию. Н. М. Карамзин писал тогда И. И. Дмитриеву: „Варшавские речи сильно отразились в молодых сердцах: спят и видят конституцию; судят, рядят; начинают и писать [...] И смешно, и жалко. Но быдет, чему быть”¹. Как известно, не сбылось, однако дало дополнительный импульс для развития в общественном движении России конституционных идей и оппозиционных настроений к существующему самодержавному режиму. Другим и более существенным последствием введения в Царстве Польском конституции было все более крепнущее стремление поляков к самостоятельности. Один из участников восстания в Польше 1830–1831 гг. Мориц Мохнацкий писал: „Революция лежала в основании самого учреждения Царства

¹ Цит. по кн.: С. С. Мироненко, *Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в.*, Москва 1989, с. 161.

и русские государи не могли предотвратить её ни пунктуальным исполнением конституции, ни совершенным её уничтожением”².

Изучавший с детства польский язык и уже в отрочестве владевший им, воспитанный в уважении к польской культуре, наследник престола впервые столкнулся с опасностью польского вопроса в возрасте 12-ти с половиной лет. 26 ноября 1830 г. он записал в своем дневнике: „Сегодня получили из Варшавы ужасное известие о возмущении поляков. Они 17 числа текущего месяца напали на Бельведер, где находился в то время Константин Павлович [Наместник Царства Польского – Л. З.], всех людей перерезали и сам великий князь не знает как спастся [...] Великий князь находится в двух верстах от Варшавы с русской и польской гвардией, которые ему остались преданными”³. И далее частые, но лаконичные записи о польских событиях: 22 декабря 1830 г., например, „читал историю происшествий Варшавских”, а иногда о том, как провожает полки, уходящие в Польшу для подавления восстания. 4 сентября 1831 г. он фиксирует в дневнике: „Сегодня получили радостные известия о взятии Варшавы приступом. Граф Паскевич Эриванский назван князем Варшавским [...] Сие известие меня очень обрадовало, видя, что милый Папá теперь, наконец, узнал то, что ему так давно хотелось”⁴. Эти впечатления о трудностях русского владычества в Польше оставили глубокий и неизгладимый след в душе и в памяти наследника престола. С годами тревога не улеглась. Периодически 17 ноября в дневнике отмечается годовщина польского восстания.

Вновь вел. кн. Александр Николаевич вынужден будет серьезно задуматься о трудностях управления этим краем в 1835 г., когда Николай I отправится с семьей в польский город Калиш для встречи в своем тестем прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III. Наследник был оставлен в Петербурге. 18 июля отец-император сказал сыну об этом окончательном решении. „Он мне объявил причины, по которым он меня не берет в Калиш – записал в дневнике наследник – Он говорил, что поляки везде покушаются на его жизнь, что если мы вместе будем, то они верно нас обоих не пощадят и что тогда с Россиею будет, останется один Костя [второй по старшенству сын, вел. кн. Константин Николаевич – Л. З.], и что потому гораздо благоразумнее мне здесь остаться и для того гр. Чернышев [военный министр – Л. З.] тоже остается, что во всех случаях, где мне надобно себя показать,

² Цит. по кн.: А. А. Корнилов, *Русская политика в Польше со времен разделов до начала XX в.*, Петербург 1915, с. 26.

³ Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГА РФ), ф. 678 (фонд Александра II), оп. I, д. 274, л. 34 об.-35.

⁴ Там же, д. 276, л. 4.

я бы не робел, надеялся на гвардию и на Бога"⁵. Запись в дневнике вел. кн. Александра Николаевича 30 июля, накануне отъезда, передает еще более важное объяснение отца с сыном: „он вручил мне конверт запечатанный, который я должен развернуть только после его кончины, при этом он увещевал меня быть благосклонну ко всем, кто его окружал, руководствоваться советами людей ему приближенных. В отношении моего брака он никого не может мне указать и потому, чтобы я был в этом осторожен и испрашивал советов Мама, дай Бог, чтобы это при жизни его случилось. Слезы у меня лились ручьем, я обнимал его и просил всемогущего сохранить его"⁶.

То, что эти опасения не были надуманными, что они серьезно встревожили впечатлительного юношу подтверждается многими свидетельствами. Он пишет отцу вскоре после его отъезда в Польшу 11 августа 1835 г.: „мысль, что я не еду в Калиш меня мучает, но я считаю это первой жертвою в пользу Отечества и эта мысль меня утешает"⁷. За несколько дней до того, 5 августа наследник делает запись в дневнике о беседе с своим воспитателем кн. Ливеном, который сказал, что „к несчастью он получает от всех сторон дурные вести об заговорах поляков на жизнь моего бесценного Папа, вся моя надежда на Бога"⁸. 25 августа сын пишет отцу: „Дай Бог, чтобы все так счастливо кончилось и чтобы ты, бесценный Папа, выехал бы поскорее из этой негодной Польши"⁹. Когда все тревоги остались позади и Николай I благополучно вернулся в свою столицу, наследник престола с облегчением записал в своем дневнике 30 октября 1835 г.: „Я возвратил Папа конверт, который он мне вручил в Александрии 30-го июля накануне своего отъезда в Калиш и на котором было написано, что я должен вскрыть его по получении известия о его смерти. Слава Бога, что это было не нужно"¹⁰. Спустя один день, 1 ноября, Николай I вернул конверт сыну, разрешив его вскрыть и ознакомиться с содержанием. „Вернувшись домой я прочел эту бумагу: слезы у меня невольно лились, и я благодарю Бога, что всё это теперь не нужно". Наследник не только прочел, но и переписал старательно и досконально письмо отца в свой дневник¹¹. И есть все основания предположить, что наставления отца прочно запечатлелись в памяти будущего императора.

⁵ Там же, д. 283, л. 54.

⁶ Там же, л. 57.

⁷ Там же, ф. 728 (фонд Зимнего дворца), оп. I, д. 1562, л. 52–52 об.

⁸ Там же, ф. 678, оп. I, д. 283, л. 3 об.

⁹ Там же, ф. 728, оп. I, д. 1562, л. 58.

¹⁰ Там же, ф. 678, оп. I, д. 285, л. 15 об.

¹¹ Там же, л. 17–19 об.

Письмо Николая I, сам он называл его „словина“, датированное 30 июля 1835 г., являлось фактически его политическим завещанием сыну. Продиктованное непосредственной тревогой за судьбу Империи из-за возможного террористического акта, оно проникнуто другой тревогой – возможностью повторения 14 декабря при воцарении сына. Среди четких указаний о предстоящих ему в таком случае делах есть одно, под пунктом 19-м, о Польше: „Не давай никогда воли полякам, упрочь начатое и старайся довершить трудное дело **обрусевания** сего края, отнюдь не ослабевая в принятых мерах”¹². Конкретно это означало режим военного положения, так как статут 14(26) февраля 1832 г., уничтоживший конституцию Александра I, но признавший особое управление Польшей, т. е. институты самоуправления, не был реализован в жизни.

Воцарение наследника престола вел. кн. Александра Николаевича произошло 20 лет спустя, после тревог, пережитых в 1835 г., но польский вопрос, как и предполагал Николай I, не замедлил вновь грозно встать перед его сыном. Однако заветы отца, усвоенные сыном, оказались недостаточными в изменившихся условиях. Жизнь заставила искать новые пути, принимать новые, неожиданные решения.

В первых же шагах Александра II по отношению к Польше проявилась двойственность, с одной стороны, так не характерная для его отца мягкость, гуманность, с другой, жесткая авторитарность неограниченного монарха, усвоенная всем воспитанием, постоянно подпитываемая близким, ежедневным общением с отцом, всей атмосферой Зимнего дворца. В связи с предстоящей в августе 1856 г. коронацией он дал амнистию политическим заключенным, не только оставшимся в живых декабристам, петрашевцам, но и участникам Польского восстания 1830–1831 гг. и другим ссыльным полякам, разрешил польским эмигрантам вернуться на родину (за редким исключением для особенно активных противников самодержавия). Но будучи в мае того года в Варшаве, он в своей речи на французском языке перед предводителями дворянства, сенаторами и высшим католическим духовенством решительно предупредил поляков: „Вам нужно знать для блага самих поляков, что Польша должна пребывать навсегда в соединении с великой семьей русских императоров [...] Я снова повторяю: господа, оставьте мечтания! оставьте мечтания! (*point de sêveries*)”. Этот настойчивый призыв Александра II не без оснований напомнил полякам окрик Николая I, требовавшего в своей речи в Варшаве в 1835 г. отказаться от „обманчивых мечтаний”. Да и сам император Александр II решительно и открыто заявил о преемственности своего курса в польском вопросе

¹² „Красный архив”, 1922, кн. 3, с. 292–293.

с традиционной политикой своего отца. „Я ничего не изменю, – сказал он тогда же в другой речи перед поляками, – сделанное моим отцом – хорошо сделано”¹³.

Как это не однажды бывало с Александром II, он не предвидел, не предугадал развитие событий. В 1856 году, когда в России началась „оттепель” (термин тех лет), когда сам он в Манифесте по поводу заключения Парижского мира дал понять, хотя и осторожно, уклончиво, о предстоящих в стране преобразованиях, вряд ли уместно и целесообразно было столь категоричное заявление о незыблости установленного Николаем I управления Польшей. И позже, в период подготовки отмены крепостного права в России, пробуждения общественной инициативы и всеобщего ожидания свободы, ни Александр II, ни его правительство, не предусмотрели необходимости серьезной корректировки русской политики в Польше, не только не выработали новой правительственной программы в деле управления Польшей, но даже не поставили об этом вопрос, пока оппозиционное самодержавию общественное движение, охватившее массы поляков, не стало очевидным фактом.

О недалекости Александра II в его первых решениях по управлению Польшей говорит сам выбор М. Д. Горчакова наместником, последовавший после смерти верного сподвижника Николая I, грозного для поляков Паскевича в январе 1856 г. Нерешительный, мягкий, тот самый, который несколько месяцев назад сдал врагам Севастополь, усталый морально и физически, Горчаков вряд ли мог справиться с трудностями, ожидавшими его в Польше. Несостоятельность Горчакова в новой должности стала очевидна. Оппозиционное движение стремительно и успешно развивалось и уже с конца 1860–начала 1861 гг. приняло угрожающий характер – уличные демонстрации подчас заканчивались кровопролитными столкновениями с правительственными войсками. 27 февраля 1861 г. вел. кн. Константин Николаевич записал в своем дневнике: „Был обыкновенный доклад у Саши. Он мне читал письмо, которое он написал Горчакову ради всех Варшавских происшествий, кажется, что они там все голову потеряли”. Запись от 13 марта 1861 г. сообщает о „Совете Министров у Саши по польским делам. После долгих споров решились на некоторые реформы, которых зародыш большею частью находится в грамоте 1832 года, которая к стыду и сраму никогда не была приведена в исполнение”¹⁴. Александр II и правительство не нашли другого выхода, как в новых исторических условиях черпать мудрость в законодательстве 30-тилетней давности.

¹³ Цит. по кн.: С. С. Гатищев, *Император Александр II, его жизнь и царствование*, т. 1, С. Петербург 1903, с. 212–213.

¹⁴ ГА РФ, ф. 722 (фонд Мраморного дворца), оп. I, д. 1153, л. 17 об., 21 об.

После смерти Горчакова весной 1861 г. Александр II назначил наместником Н. О. Сухозанета, необразованного, совсем дряхлого (несмотря на занимаемый им важный пост в центральной администрации – военного министра). Через несколько месяцев он был заменен любезным и деликатным, но малоподготовленным к своей должности гр. К. К. Ламбертом, наместничество которого быстро закончилось из-за дуэли с его ближайшим помощником Герштейнцвейгом. Затем опять временно исполнял обязанность наместника Сухозанет, наконец, после него ген. А. Н. Лидерс. Все это в течение одного года, и года переломного в истории России. Одна эта быстрая смена лиц на таком важном посту и в такой кризисной ситуации, лиц мало или вовсе непригодных к предназначенной роли, свидетельствует одновременно и об ошибках Александра II в выборе людей для ответственной государственной деятельности и о скудости кадров высшей бюрократии в России.

К концу 1861 г. Александр II отказывается от попыток сотрудничества русской власти с маркизом А. Велёпольским и проведения его программы реформ. Он пишет Сухозанету 21 октября (2 ноября) 1861 г.: „Теперь не время вводить какие-либо преобразования, ибо прежде всего должен быть водворен порядок, а хотеть основывать новый порядок, когда повсюду царствует анархия, есть дело несбыточное, и превыше сил человеческих”. Любопытно его требование присылки регулярных сведений о „теперешних смутях” в Царстве, иначе „я часто остаюсь в неведении – признается самодержец – о таких случаях, которые узнаю из иностранных газет, что ни с чем не сообразно, и о чем мной было еще писано кн. Горчакову, и несмотря на то не исполнялось”¹⁵. Даже власть абсолютного монарха оказывалась бессильной, чтобы преодолеть рутину устаревшего и отжившего свой век бюрократического механизма.

В 1862 г. Александр II еще надеется, что политической ситуацией в Польше можно управлять, можно предупредить взрыв, сочетая опору на военную силу с постепенным совершенствованием и развитием функционирующих уже в Царстве учреждений. Об этом он пишет Лидерсу 8(20) марта 1862 г. В мае того же года он сообщает ему о намерении назначить брата своего вел. кн. Константина Николаевича наместником, а также вновь призвать на службу Велёпольского, предоставив ему пост главного начальника гражданского управления. 20 мая (8 июня) 1862 г. Александр II ставит Лидерса в известность, что эти решения состоялись¹⁶.

¹⁵ *Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников Королевства Польского 1861–1863 гг.*, т. 2, Вроцлав 1973, с. 23–24.

¹⁶ Там же, с. 109–110, 140–141.

Близко наблюдавший Александра II в это время военный министр Д. А. Милютин дает такую характеристику его отношения к польскому вопросу: „Что касается самого Государя, то в его мыслях – как мне кажется, – происходила тяжелая борьба двух противоположных течений: с одной стороны – всякое проявление революционных притязаний поляков, пренебрежения их к русской власти, уличные беспорядки и дерзкие выходы возбуждали в нем негодование, возмущали его; он огорчался неблагодарностью, с которой поляки принимали все оказываемые им уступки и даруемые льготы; под впечатлением этих чувств являлось у него требование строгих реперессивных мер, энергических распоряжений, не исключая и употребления оружия; с другой же стороны – его мягкое сердце и природное благодушие склоняли его к мерам кротким, примирительным, внушали ему желание испробовать все средства к установлению доброго согласия между Россией и Польшей; для этого он был готов на всякие уступки, на всякие пожертвования, совместные с достоинством и пользами Империи. Мне кажется, что Государь склонен был, чтобы Царству Польскому предоставить такое же положение в отношении к Империи, в какое поставлено Великое Княжество Финляндское. Думаю, что Польша могла бы достигнуть такого же, вполне благоприятного положения, если бы только вожаки польские обладали таким же здравым смыслом, таким же спокойным, сдержанным характером, какими отличаются финляндца”¹⁷. Вполне возможно, что наблюдения Д. А. Милютина имели достаточные основания. И все же наиболее достоверным источником для суждений о личной позиции Александра II в польском вопросе являются его собственноручные письма.

В эпистолярном наследии Александра II, связанном с делами Царства Польского, наиболее интересную, содержательную часть составляет переписка его с вел. кн. Константином Николаевичем. Личность императора, его характер, его взгляды на польский вопрос проявляются в ней определенно и ярко. Переписка регулярная и интенсивная. За 14 месяцев наместничества вел. кн. Константина Николаевича, с июня 1862 г. до августа 1863 г., 62 письма Александра II и еще больше полученных им от брата.

Открывается переписка „конфиденциальной инструкцией” от 18(30) июня 1862 г. Её лейтмотив выделен самим Александром II – „Царство Польское в теперешних его границах должно оставаться навсегда достоянием России”. Для него несомненна ценность Польши, как западной окраины Империи, „она не должна быть обузой для России,

¹⁷ Российская Государственная Библиотека (РГБ), ф. 169, (фонд Д. А. Милютина), по. 1, к. 14, ед. 2, л. 42.

а приносить ей пользу, которую она может ей принести своим мирным развитием, служа ей связью с остальной Европой”¹⁸.

Александр II предупреждает брата, что ни о каких новых льготах и уступках „речи быть не может, а в особенности ни о конституции, ни о национальной армии. Ни того, ни другого я ни под каким видом не допущу. Согласиться на это значило бы отречься от Польши и признать её назаисимость со всеми её пагубными последствиями для России, т. е. отпадением от неё всего того, что некогда было завоевано Польшею и что польские патриоты считают своим достоянием” (Западный край, т. е. Польша в границах Речи Посполитой). Другое категорическое предупреждение Александра II – не увлекаться идеями панславизма: „Многие будут рассчитывать и льстить твоему панславизму. Мысли эти как бы они не были завлекательны для будущего, я считаю в настоящую минуту крайне опасными для России и для монархического начала, ибо я вижу в них распадение России, даже не на отдельные государства, а на отдельные и, вероятно, враждебные республики. Соединение же всех славян под одну державу есть утопия, которая едва ли может когда-либо осуществиться”¹⁹. Александр II и раньше не одобрял славянофильские увлечения брата. Отрицание панславизма возникло у него не вдруг и не в связи с конкретным поводом, а было его глубоким, выношенным убеждением.

Помимо этих общих установок император дает вел. кн. Константину Николаевичу и вполне конкретные указания об управлении краем: „Военное положение [...] должно быть сохранено во всей строгости [...] пока я не признаю возможным его снять”, но это не исключает цель заботиться „о постепенном восстановлении обыкновенного законного порядка”. Он выражает надежду, что маркиз Велёпольский будет „истинным помощником” наместнику, но, зная его крутой и упрямый характер, надо „готовиться к борьбе и не уступать ему в том, что [...] не будет согласно с общим правительственным монархическим направлением и противно интересам Империи”. Что касается католической церкви, оказывая ей уважение, Александр II не допускает никакого вмешательства духовенства в политические дела. И вполне соответственно личности Александра II, который будучи монархом великой державы оставался обычным человеком, инструкция содержит наставления о повседневном поведении с поляками, которым особенно свойственно самолюбие и щекотливость, о вежливости и приветливости со всеми, о внимании к дамам, которые „играют у них важную роль”, особенно со стороны жены Константина – вел. кн. Александры

¹⁸ *Восстание 1863 года...*, т. 2, с. 160–161.

¹⁹ Там же, с. 161.

Иосифовны, но вместе с тем никакого женского вмешательства в дела инструкция не допускает²⁰.

Полгода спустя Александр II подтвердит принципиальные положения инструкции. 22 декабря 1862 г. (3 января 1863 г.), накануне открытого вооруженного восстания поляков, он возвращается к сильно тревожившему его вопросу о „так называемом панславизме” и пишет брату: „Мои убеждения не новые, но теперь они сделались еще сильнее, и я вижу в нем славу, а гибель для Русской империи, не говоря уже о нашей династии, что в моих глазах дело второстепенное, и потому пока буду жив никогда не поддамся подобным стремлениям, которые я знаю многих соблазняют, а я считаю пагубными и предосудительными”. И в том же письме повторяется главная установка инструкции: „Царство Польское должно навсегда оставаться в неразрывной связи с империей; нам следует неотступно идти в Польше по указанному мною тебе пути, — внушает он брату, — не смущаясь затруднениями и иногда, может быть, неудачами, которые нас еще ожидают, и с божьей помощью, мы достигнем желаемого результата, то есть постепенного успокоения умов, основанного на твердости и законности действий правительства”²¹.

Александр II неоднократно, почти во всех письмах, выражает свое доверие к войскам, возлагает свои надежды на верность армии, которую не поколеблят „все воззвания и письма Герцена”, призывает вел. кн. Константина Николаевича быть внимательным к положению и нуждам военных, никогда не забывать, что в качестве наместника он является вместе с тем и начальником всех вверенных ему войск и что именно войскам Россия и династия обязаны сохранением своей власти в Польше.

Александр II понимал размах революционного движения, охватившего Польшу, а в конце 1862 г. допускал и возможность восстания. Он писал 20 ноября (2 декабря) 1862 г.: „Заграничные сведения, которые и тебе прямо сообщаются, продолжают предсказывать неминуемое восстание и с такими подробностями на счет самой Варшавы, что ими невозможно пренебрегать”. И далее: „Открытой борьбы в Царстве, как я тебе неоднократно писал, я тоже не опасаюсь, но, разумеется, желательно её предупредить и не допустить взрыва. Возможность подобного открытого и всеобщего восстания в империи я предвидеть не могу, ибо хотя революционная зараза у нас распространилась в некоторых слоях общества, но большинство у нас, благодаря бога, еще цело, и народ наш по-прежнему предан монархическому началу и, в особенности, теперь благодаря своему государю за дарованную ему свободу. Наши революционеры хорошо это знают, вот почему они

²⁰ Там же, с. 162.

²¹ Там же, с. 329.

и стараются в особенности действовать на народ, дабы чрез ложное его образование поколебать его веру в правительство". Он считал первостепенной задачей „сохранить учащуюся молодежь для науки и сберечь её против революционной заразы", и это не только в одном Царстве Польском, но и в Империи. „То, что ты говоришь о революционной пропаганде в Польше, также совершенно применимо к несчастью и к России", – сообщал он брату свою оценку петербургских и общероссийских событий общественной жизни²². В одном из следующих писем, в связи с завершением следствия над участниками студенческих беспорядков 1861 г., он высказывает предположение, что в России есть несколько революционных Комитетов или Дум.

Несмотря на осведомленность и достаточную информированность о развитии революционного движения в Польше, получение телеграммы от вел. кн. Константина Николаевича о начале „повсеместного" вооруженного противоправительственного выступления в ночь с 10 на 11 января 1863 г. явилось для Александра II неожиданностью. Тем более, что известие это пришло после нескольких сообщений о благополучном завершении рекрутского набора и относительном спокойствии края, и Александр II дал согласие на просьбу брата покинуть ненадолго Варшаву и прибыть в Петербург. Его незамедлительный ответ от 13 (25) января выдает тревогу и вместе недовольство управлением края. „Не могу понять, – пишет он, – как, несмотря на давнишнее предсказание всеобщего восстания, не были приняты меры предосторожности в войсках, расположенных на провинции, дабы обеспечить их от того, что к несчастью случилось, т. е. внезапного нападения врасплох. Что они молодцами защищались меня не удивляет, но сердце обливается кровью о стольких несчастных жертвах [...] Нельзя опять не удивляться дисциплине революционной партии, и как тайна о назначенном дне для всеобщего восстания могла сохраниться. Откуда взялось у них столько оружия? Известны ли какие-нибудь личности, которые ими предводительствуют? Вот вопросы, на которые я желал бы иметь ответы". Александр II одобряет объявление всего Царства на военном положении, признает, что „только одними строгими и энергическими мерами можно надеяться положить скорый конец восстанию и не дать ему возможности распространиться и на соседственные губернии", т. е. Северозападного и Юго-западного края. И далее продолжает: „Теперь не могу не повторить тебе того же, что я писал тебе в последнем письме, что я открытой борьбы не опасуюсь, ибо мы довольно сильны, чтобы её подавить и чем скорее, тем лучше". Характерна и примечательна для личности Александра II концовка

²² Там же, с. 302, 304.

письма: „Я и теперь нарочно высказал [офицерам 2 батальона Измайловского полка – Л. З.], что и после последних злодейств я не хочу обвинять весь народ польский, а революционную партию, стремящуюся везде к ниспровержению законного порядка”²³. Надо сказать, что и в других подобных ситуациях, например, при многолетнем сопротивлении, встреченном русскими на Северном Кавказе, Александр II никогда не считал какой-либо народ в целом виновным перед имперской властью.

Но эта общечеловеческая, гуманная позиция в политике императора сочеталась с суровостью военного на троне, строго карающего всякого, посягающего на правительственную власть. 20 января (1 февраля) 1863 г. он пишет вел. кн. Константину Николаевичу: „Скорейшая казнь виновных необходима, и еще раз возлагаю на твою обязанность, чтобы ими не медлили. Теперь не время великодушию. Поляки его не ценят, и видят в нем только слабость и робость правительства”²⁴.

Александр II решительно высказался за экстраординарную меру – преследование польских повстанцев российскими войсками за пределами империи. С удовлетворением он сообщает вел. кн. Константину Николаевичу, что с Пруссией заключена об этом конвенция, что король Вильгельм прислал в Петербург с этой целью своего ген.-ад. Альфенслебена. Александр II требует поскорее поставить в известность о принятой конвенции пограничных отрядных командиров, „дабы они приняли её к руководству”. Он выражает надежду заключить подобную же конвенцию с Австрией и повелевает брату: „...уполномочиваю тебя её подписать от моего имени с тем лицом, которое будет к тебе, по всему вероятно, прислано из Вены”²⁵. В это время Александр II еще не предвидел опасности превращения польского вопроса в предмет общеевропейского разбирательства. Когда же проявятся первые попытки ведущих европейских держав оказать дипломатическое давление на Россию в польском вопросе Александр II не замедлит выразить свою решительную волю.

В письме от 16(28) февраля 1863 г., встревоженный „политическим состоянием Европы”, „нерасположением” к России Англии и Франции, он сообщает великому князю – наместнику: „Франция уже предложила Англии коллективно протестовать против нашей конвенции, на что *Russell* пока не согласился, но ручаться нельзя, чтобы и Англия не пристала к столь явному недоброжелательству Наполеона. Пруссия, испугавшись, сама просит уничтожения конвенции, чему я и не противлюсь, так как мы можем и без неё обойтись.

²³ Там же, т. 3, с. 14–15.

²⁴ Там же, с. 28.

²⁵ Там же, с. 41.

Из всего этого – заключает монарх – ты видишь, что если нам не удастся скоро усмирить мятеж, то из нашего домашнего дела произойдет европейский вопрос, и последствия его могут быть для нас неизмеримы, чего не дай бог!”²⁶

5 (13) марта он с увеличивающейся тревогой конкретизирует свое понимание усложняющейся для России международной обстановки. Польский вопрос, – пишет он брату, – для Наполеона III служит „только претектом для – достижения дальнейшей его цели, о которой он мне говорил при свидании нашем в Штутгарте, то есть *sujet du remaniement de la carte de l'Europe* [...]. Хорошо еще, что Англия этому противна и тем самым парализует до некоторой степени *ses vellétés à propos de la question Polonaise*. Между тем, она не могла не удержаться выкинуть свою штуку, а именно, предложить конференцию всем подписавшим Венский трактат 1815 г., чтобы контролировать исполнили ли мы все мнимые обязательства на нас этим трактатом возложенные. К счастью, и Пруссия, и Австрия отвечали на это решительным отказом и, следовательно, оно не состоится”²⁷.

Опасения Александра II нарастали с каждым днем, приняв форму конкретной угрозы новой Восточной войны. 17 (29) марта 1863 г. он писал: „Еще слава богу, что нам удалось доселе дипломатическою перепискою отклонить явное вмешательство Франции и Англии, но недоброжелательство их с каждым днем растет, и если мятеж не будет в скором времени усмирен, то никак отвечать нельзя за последствия, которые нас ожидают и которые могут нас вовлечь во всеобщую войну еще в худших обстоятельствах, чем в 1854 г. После всего этого ты поймешь, что я обязан заботиться о том, чтобы оградить Россию всеми мерами от подобной беды”. Он признавал обстоятельства „критическими” и „не для одной Польши, но и для России”²⁸.

Достойный выход для России Александр II видел в подавлении восстания русской армией и в демонстрации военной мощи империи перед европейскими державами. Признавая, что „польские дела, к несчастью, теперь в совершенной зависимости от внешней политики”, Александр II сообщал вел. кн. Константину Николаевичу 11–12 (23–24) апреля 1863 г. об утверждении категорического ответа российской стороны на парижскую, лондонскую и венскую ноты. „Положение наше нелегкое – признает самодержавный монарх – и никто более меня не чувствует всю его трудность и даже опасность, но минута такова, что честь наша не позволяет нам уступить, и мы должны скорее все лечь

²⁶ Там же, с. 101.

²⁷ Там же, с. 141.

²⁸ Там же, с. 161–162.

за наше правое дело, чем согласиться на те унижительные условия или даже требования, которые могут быть нам предложены. При этом он надеется »на патриотические чувства всей благомыслящей России, которые так сильно стали обнаруживаться повсюду« и уверенно декларирует: все сословия ответят, когда нужно будет, на мой призыв, и »станут грудью на защиту родного края»²⁹.

Рассчитывая на военную силу, Александр II вместе с тем задумывался и над проблемами управления краем. В самом начале восстания он приходит к заключению, что система широкой автономии, проводимая Велёпольским, „оказалась совершенно несостоятельной“ и „страшно подумать, что власть наша в Царстве держится одним только мирным и храбрым нашим войском и что, кроме его мы решительно ни на кого из всего гражданского мира не можем рассчитывать“. С прежней решимостью он отвергает „дарование конституции“, считая эту меру равносильной отказу от владения Польшей. В середине февраля 1863 г. он еще не видит другого выхода, как „сохраняя автономию относительно учреждений [существующих в Польше – Л. З.], обратиться к прежней системе, т. е. употреблять сколько возможно более русских, лишь бы выбор их был счастливее прежнего”³⁰. В середине марта в помощь вел. кн. Константину Николаевичу командующим войсками в Польше Александр II назначает ген.-ад. Ф. Ф. Берга. Но уже в письме от 22 марта (3 апреля) 1863 г., не отступая от всех своих прежних указаний о подавлении восстания военной силой, он формулирует новую задачу, затрагивающую сферу социальной политики власти: „Необходимо ускорить преобразования гминных управлений и вообще всеми работами, относящимися до улучшения крестьянского населения, единственно нам верного элемента в Царстве”³¹. Именно на этом пути сосредоточатся в дальнейшем усилия правительственной власти и будет взломана инерция 30-тилетнего управления краем после восстания 1830–1831 гг.

В августе 1863 г. одновременно с назначением Ф. Ф. Берга наместником Царства Польского вместо вел. кн. Константина Николаевича Александр II решается поручить Д. А. Милютину проведение радикальных реформ в Польше, и в первую очередь крестьянской. Вместе со своими соратниками по подготовке отмены крепостного права в России Ю. Ф. Самариным и В. А. Черкавским Д. А. Милютин стремительно осуществляет поставленную Александром II задачу. 19 февраля 1864 г. крестьянская реформа в Польше была принята и осуществлена. Она одновременно решала вопросы

²⁹ Там же, с. 191–192.

³⁰ Там же, с. 87–88.

³¹ Там же, с. 170.

крестьянского землеустройства и сельского самоуправления на демократических основаниях. Глубокое значение предпринятых преобразований заключалось не только в реформировании аграрного строя, но в проведении целой серии законодательных мер, касающихся сферы просвещения, церкви и духовенства. Это была продуманная система радикальных всесторонних преобразований, знаменовавшая новый этап в правительственной политике России и её монарха в Польше. Какова была личная позиция Александра II в этот период и как она эволюционировала до конца его царствования – это задача отдельной статьи.

Larisa G. Zacharowa

ALEKSANDER II A SPRAWA POLSKA

W artykule wykorzystano nieopublikowaną korespondencję Aleksandra II z jego bratem, Wielkim Księciem Konstantym z lat 1862–1863. Korespondencja ta, jak podkreśla autor, interesująca jest przede wszystkim dlatego, że nie tylko wyraziście i wielostronnie przedstawia obu wielkich braci, lecz również czyni jaśniejszą charakterystykę polityki Aleksandra II w Polsce w okresie bezpośrednio poprzedzającym powstanie styczniowe 1863 r. oraz w czasie trwania powstania (do sierpnia 1864 r.). Aleksander II objawia się nam jako człowiek twardych przekonań i władca absolutny. W jego polityce ogólnej i w stosunku do Polski zjednoczyły się wyraźnie dwie przeciwstawne idee. Z jednej strony dążenie do oparcia się na siłach wojskowych (w duchu tradycji Mikołaja I), przeciwdziałające tym samym walce i skrajnym żądaniom Polaków, z drugiej – chęć pokojowego uregulowania konfliktu, przeprowadzenia liberalnych reform. W rezultacie, w kolizji przeciwstawnych dążeń zwyciężyła tradycyjna polityka Romanowów – zdecydowano rozwiązać problem polski w oparciu o siłę wojskową, co zaowocowało kolejnymi falami napięć.